

Шум машин за окном — редкий, что кажется несущественным. Обычно в фотостудии даже в такое время кто-то есть, но сегодня им везет. Они застилают подиум черной тканью и прячут в ее складках маленькие огоньки гирлянд, устанавливают «фон»; серебряные и белые нити — словно паутинка — в качестве декорации.

— Поправь драпировку вон там, на стойке, она сползла.

— Думаешь, этот синий не слишком яркий? — Бай Усян, можно сказать, придумал всю эту композицию сам, но сомнения, куда от них деться. — Синяя гамма вообще подходит? Не будет слишком холодной?

— Нет, она идеальна, — Се Лянь устанавливает камеру на штатив и на пробу смотрит на будущую «картинку», регулируя угол и резкость. — Мы ведь говорим о «Белом Бедствии». Можешь представить его в окружении пурпура или сирени?

— Точно нет, — мгновенный пренебрежительный взмах ладонью, отгоняя саму мысль, Бай Усян осматривает все вокруг последним придирчивым взглядом и опускается на пол, откидываясь на выпрямленные за спину руки. Тяжелая шелковая ткань поглощает их до запястий, расстилается по полу белым пятном, хотя босые ступни скрывает лишь едва-едва.

— Это «Небесный Император» любит золото и красный. Но ему и положено, как-никак. От него этого ждут, — чуть морщится и встряхивает головой: волосы собраны во что-то небрежное, но слишком уж тяжелое. — А все эти украшения точно нужны?

— Так было в фильме, и они красивые, — Се Лянь незатейливо пожимает плечами. Слегка прикусывает нижнюю губу и глушит улыбку, глядя на легкую пренебрежительную гримасу, которая возникает на лице другого в ответ: брови сходятся к переносице, а между ними — хмурая складка, но губы у него немного слишком пухлые, чтобы это выражение казалось в меньшей степени капризным и более внушительным. Се Лянь все же смеется тихонько, не удерживаясь, и отходит к дальней стене, на которой — выключатель.

— Ну что, готов? Тогда начинаем.

И яркое люминесцентное свечение гаснет — лампы под потолком еще какое-то время мерцают и гудят, остывая. И одновременно Бай зажигает студийное освещение. «В самом деле здорово выглядит, я немного опасался, что получится слишком контрастно и резко, но Сян-эр действительно гений». Вспышки, прожектора, софтбоксы, рефлекторы. На самом деле Се Лянь не настолько хорошо разбирается в фотосъемке. Для Бая это одно из главных увлечений в жизни, а Се Лянь... откровенно, никогда особо не понимал стремления обязательно запечатлеть каждое мгновение, но в голосе другого всегда при этом такой — неподдельный восторг, что Се Лянь не может не разделить его. И отказаться помочь — тоже, даже если знает только, кажется, как нажимать кнопки.

— Не уверен, что у меня получится сделать это так, как ты хочешь, но... — он возвращается обратно к камере и мимоходом придвигает ближе низкую вазу с длинными тонкими ветками, которые они старательно выкрашивали в белый цвет на прошлых выходных. — Давай-ка попробуем.

Он вновь заглядывает в видоискатель и... да, синяя гамма определенно была хорошим выбором. В приглушенном освещении — словно оно существует где-то на периферии всей основной «сцены» — Бай щелкает зажигалкой и поджигает свечи в резных фонарях. Тени, когда он наклоняется близко-близко, ложатся на его бледное лицо и делают его четким, пронзительным и потусторонним.

Щелчок затвора.

Уголок чужих губ изгибается в снисходительной усмешке, и Се Лянь понимает, что его поймали. Он хочет закрыть лицо руками, чтобы скрыть краску смущения, и продолжать смотреть сквозь щели между пальцев при этом.

— Тебе действительно идет этот образ, — кашляет тихонько и вновь заставляет себя сосредоточиться на съемке. «Я засмотрелся», — вот как звучит на самом деле.

Все дело в этой новой книге, которая вышла в начале прошлого года, а в этом еще и удостоилась экранизации. Довольно претенциозная вещь, хотя и конфликтная в отдельных моментах, учитывая, что в ее центре — любовь двух мужчин. Се Лянь ей довольно сильно увлекся. Он регулярно ждал обновлений в течение многих месяцев, и в какой-то момент даже уговорил прочитать ее Бая. Хотя и с опасением, что тому она покажется скучной или «немного наивной» — его спутник был довольно скептически настроен ко многим вещам и на самом деле не особо любил романы. И действительно: тот читал с почти не сходящей с губ легкой улыбкой, а его критика при этом была колкая и безжалостная. Но потом он даже нарисовал несколько набросков различных героев и сцен специально для Се Ляня: и Се Лянь чувствовал себя таким теплым и восторженным при этом, вот прямо как сейчас...

Это была история о небожителях, людях и демонах-призраках. О Наследном принце Сяньлэ, который однажды был всеми любимым богом, а потом — свергнут с небес на землю. Дважды, в общей сложности, за всю книгу. И вознесся при этом трижды. Прошел путь от величественных, сверкающих фонарями храмов, в которых никогда не затухали благовония и не смолкали людские молитвы, до того, чтобы собирать мусор и просто жить каждым днем, не думая о будущем и не строя каких-то планов. Но потом он все же встретился с тем, кто захотел идти с ним — «даже таким» — по жизни рядом. И в конце оказалось, что они были знакомы очень давно.

Такая по-хорошему грустная, но счастливая история.

По которой в итоге сняли фильм и... «Мы просто обязаны это сделать», — так однажды поздно вечером, вернувшись домой, прямо с порога заявил ему Бай. У него глаза горели, и Се Лянь мог только моргнуть и сказать без колебаний «да». Он не был особо удивлен, честно. Еще меньше, когда услышал, кого именно его беспокойный любовник хочет сделать темой своей фотосессии. И что снять должен именно Се Лянь — тоже.

— Меня до сих пор забавляет, как ты всегда находишь множество поводов для критики в каждой главе, но при этом явно испытываешь слабость к «Белому Бедствию», — Се Лянь дразнит и не скрывает этого. Коротко указывает на правую руку Бая и машет вверх, мол «подними выше».

— Я и его могу раскритиковать при желании, — сухо отвечает, но на самом деле не спорит, слушаясь указаний. Он держит белую маску, на которой черной краской с одной стороны — улыбка, а с другой — слезы.

Бай Усян продолжает:

— Просто он... недооцененный персонаж. Очень недооцененный, — прикладывает к лицу, тонкие худые пальцы рассеянно оглаживают бумажные «висок» и острый край «челюсти». — Все говорят, что Наследный принц лишился всего из-за него, но на самом деле это ведь не так. Он дал восставшим оружие, но не держал их за руку, когда они решили им воспользоваться. Он выступил катализатором. Умелым манипулятором, да, но, когда идет речь о личном выборе

множества людей, не бывает ответственности одного. Это просто сделка с совестью, — презрительный фырк более чем красноречиво показывает отношение Бая ко многому, что происходило на страницах двухсот с лишним глав, и не только касательно книги. Се Ляню, в принципе, даже не нужно пояснять, чтобы понять, о чем другой думает. Как никак, они вместе уже не один год.

— Белое Бедствие ведь действительно заботился о Принце, — задумчиво, поднимая взгляд. — Собираатель цветов вовсе не был единственным, кто верил в него все эти восемьсот долгих лет...

— Что бы он ни говорил, ему также хотелось, чтобы его понимали, — Бай наклоняет чуть маску в сторону, и ее край словно тонет в тенях, на фотографии — она плачет.

— Можно подумать, что Белое Бедствие всегда хотел только причинить Принцу боль, потому что видел в нем себя, и да, он действительно хотел показать, что тот ошибается в своей вере, будто «один человек может выдержать все», но... если бы тогда — еще в самом начале, когда у Принца был выбор — тот просто согласился и остался... мне кажется, этого было бы достаточно.

Се Лянь улыбается нежно, вместо слов щелкая затвором, потому что, когда другой «распалается» с темой, которая его волнует — это особенная эстетика. Когда говорит быстро и отрывисто, слишком захваченный мыслями, становится понятно, что их у него в голове намного больше, чем он привык показывать на публику. Даже если Бай порой склонен к резким жестам и театральной драматичности, а его улыбки и слова могут быть злее и острее стекла. Внутри он почти до смешного может быть неуверенным и сентиментальным.

Еще одна вспышка и...

— Все, я так больше не могу, — раздраженно дергая плечом вдруг, Бай кладет маску на колени и настойчиво тянется руками к волосам, зарываясь в них пальцами, вытаскивая одну за другой маленькие серебряные заколки, которые были практически незаметны вот так, но при нужном освещении мерцали и отбрасывали блики, пока не набирает целую их горсть в ладони, будто звезды держит. Длинные прямые волосы рассыпаются по плечам и белой ткани одежд, сливаясь концами с темным задним фоном. Се Лянь снимает его именно вот так еще несколько раз просто потому, что ему нравится вид.

На чужом лице — легкий кислый изгиб в уголке губ, когда Бай рассматривает украшения.

— Я все же считаю их лишними в образе. Разве не в том смысл, что «Белое Бедствие» отказался от любых символов его прошлого в качестве «Наследного принца Уюна»? Собственно, как потом сделал и «Сяньлэ», можно сказать, — он берет в другую руку вновь маску и взвешивает, будто на чаше весов, одно и другое. — Образ «Владыки» — это совсем другое дело, — фырк, в итоге яркие заколки просто ссыпаются аккуратно на пол за пределами подиума, а Бай вновь откидывается назад, запрокидывая голову и прикладывая маску к лицу. — Ох уж эта «красота» экрана и стремление обязательно придавать всему подряд ненужный «глянец». Скучно и неинтересно.

Его «Сян-эр», как думает Се Лянь, не самый легкий и приятный в общении человек. Кажется, он может свести с ума любого. Но именно в их отношениях он старается держать себя под контролем, и у Се Ляня не может не биться сердце чаще от одной этой мысли. Он отрывается от камеры и смотрит-смотрит-смотрит. Ах, другому действительно идет этот образ...

— Ты красивый хоть так, хоть так. Ничего не меняется. Если бы это был Сяо Бай в роли «Белого Бедствия», я бы стал его главным поклонником, — когда он подходит и отодвигает

маску в сторону, чтобы коротко поцеловать приоткрывшийся от неожиданности рот, то Бай застывает и распахивает глаза так почти по-детски растерянно. — Хотя я уже.

«Мы ведь действительно вместе очень давно», — Се Лянь вытаскивает из тяжелых черных волос еще пару заколок, которые другой упустил. Бай отводит взгляд.

— Тебя бы не допустили тогда снимать, потому что ты только и делаешь, что отвлекаешься постоянно, — скулы его под кончиками прикасающихся к ним чужих пальцев едва уловимо нагреваются и краснеют.

Се Лянь смеется.

Когда они заканчивают, Се Лянь включает обратно свет и бегло листает фотографии на фотоаппарате, сидя на краю подиума. «Может, что-то еще успеть переснять?» За окном уже давно сгустилась ночь и пошел снег, высвечиваемый в свете фонарей, медленно падающий и наверняка тающий раньше, чем мог бы коснуться земли, пока внутри комнаты светло и тепло.

— А каким героем мог бы быть я, как думаешь? — честно, Се Лянь ни разу за более чем год своего увлечения не задавался этим вопросом, и он сомневался, что Бай тоже думал над ним, но тот внезапно отвечает, не задумываясь:

— Его Высочеством наследным принцем, разумеется, — невозмутимо.

Се Лянь удивленно моргает:

— Почему же?

— Ты похож на человека, который за свою «веру» мог бы отдать все.

И эта фраза из уст Бая звучит совсем не как комплимент — скорее он выдыхает ее как-то смиренно, — но Се Лянь действительно знает его слишком хорошо, чтобы вместо обиды ощутить... трепет и такую пронзительную нежность. Если бы другой действительно был к нему равнодушен, то даже не стал бы беспокоиться и говорить что-то вслух. «Если бы Его Высочество в книге понимал Белое Бедствие хоть немного лучше...»

— И потому что я бы сделал тебя главным героем.

— Ой.

Теперь очередь Се Ляня краснеть и отворачиваться. Уголки чужих губ вновь подрагивают в довольной собой улыбке.